

РОЖДАЕТСЯ ЛИ В СПОРЕ ИСТИНА?

Д.Б. БОГОЯВЛЕНСКАЯ

Во втором раунде дискуссии А.Г. Шмелев отмечает, что «прямой дискуссии... фактически не было. Авторы рассматривали проблему в значительной мере в непересекающихся плоскостях». Он прав. Мы не слушаем друг друга. Даже при невнимательном, беглом прочтении моей статьи невозможно сделать вывод, что я «писала о том, что тесты интеллекта не позволяют выявить способность к творчеству». Напротив, я как раз писала, что тесты интеллекта в какой-то мере отражают показатели уровня развития когнитивной сферы, в отличие от тестов креативности, которые не отражают того, на что они направлены. Именно тесты креативности, а не тесты интеллекта я критиковала за неспособность выявления творческих способностей (Богоявленская, 2004а). В попытке выправить логическую стройность моих выводов А.Г. Шмелев вводит четкое различие условия «достаточного» и «необходимого». Это, по его мнению, позволяет сформулировать обоснованную научную позицию в отношении сущности психометрического интеллекта. В качестве необходимого, но недостаточного условия продуктивной деятельности выступает высокий тестовый балл. До «достаточного» его дополняет мотивация, привычка к умственной работе и... «готовность к риску на пути нестандартных решений (один

из компонентов так называемого дивергентного, оригинального мышления)». Но при такой логике, как мне кажется, смешиваются три вида тестов: интеллекта, креативности (дивергентное, оригинальное мышление и нестандартное решение — их отличительные особенности) и метод «Креативное поле», поскольку речь идет о способности к риску. Учитывая четкость мышления и высочайший профессиональный уровень А.Г. Шмелева как тестолога, данный поворот мысли представляется не совсем удачным, а приведенная «скороговорка» затрудняет понимание того, что же выявляют тесты.

Полемическая статья Д.В. Ушакова в своей первой части, там, где он отстаивает свои положения по тестам интеллекта, написана весьма темпераментно. Аргументы приводятся наотмашь. И очень жаль, что в последней части, касающейся диагностики креативности, интонации меняются и принимают характер полужезливого сомнения.

Дискуссия предполагает обсуждение всех затронутых вопросов. Если основания для критики тестов не совпадают, то это интересно обсудить.

Однако Дмитрий Викторович свою критику направляет против «позитивной программы» — использования в качестве психодиагностического метода «Креативное поле».

Прежде всего я должна еще раз подчеркнуть, что «Креативное поле» не методика, а метод, отвечающий системе принципов (Богоявленская, 1983; 2002; 2004а). Он строится на разном стимульном материале, и, действительно, первыми в этом ряду были «Сказочные (цилиндрические) шахматы», для которых существует сборник этюдов Э. Маха. Однако методику определяет не исходный материал, а система его построения. «Сказочные шахматы» хороши тем, что о них мало кто знает, и в обучающем эксперименте мы могли уравнять исходный уровень овладения испытуемыми их спецификой. Далее, шахматный материал позволяет мысленную логику сделать наглядной и саму деятельность перманентной. Этот материал позволяет иллюстрировать тот парадокс нашего восприятия, о котором Г.Ф. Гегель говорил, что человек видит мысленным взором. Построенная таким образом модель решаемой задачи определяет направленность мышления и делает невидимым то, что сам испытуемый продуцировал. Как говорил Иисус Христос, легче слепого сделать зрячим, чем зрячего видящим. Снятие, преодоление этого барьера происходит тогда, когда испытуемый выходит за пределы требований предъявляемой задачи; тогда результат его деятельности становится шире, чем поставленная извне цель. В этом случае действия испытуемого теряют форму ответа и имеет место развитие деятельности не как выполнение требований, усвершенствование имеющегося способа, а как следствие позиции субъекта деятельности — самочинного и самодостаточного,

т. е. по его инициативе. Будь то шахматы, математические формулы, карты или игра «Морской бой», суть модели, реализующей метод «Креативное поле», в том, что имеет место предъявление большого ряда однотипных задач (таков первый слой — слой заданной деятельности, представленный эксплицитно). Как и в реальной жизни, развитие деятельности позволяет «взрывать слои сущего». В модели это представлено вторым слоем, который задан имплицитно. Этот слой содержит общие закономерности, которые присущи нескольким или всем задачам, но овладение ими не требуется для успешного решения предъявляемых задач. То, что он задан имплицитно, означает, что о его существовании испытуемый узнает лишь тогда, когда он его открыл. Исходный материал здесь безразличен. Цилиндрические шахматы сами по себе признака двухслойности не несут и тем более имманентно не отражают всех принципов «Креативного поля» (см.: Богоявленская, 1983; 2002; 2004а).

Уточню: я рассматриваю сложность и трудоемкость методики не как ее собственную проблему. Напротив, я подчеркиваю, что эти качества — следствие реализации исходных принципов метода. Проблемы возникают при внедрении метода в широкую практику.

К сожалению, Д.В. Ушаков идеализирует заказчиков. Современную тенденцию в отечественной практике характеризуют рыночные принципы: «Числом поболее, ценою подешевле» и «Время — деньги».

Прямые претензии, а не в виде намеков, Дмитрий Викторович

предъявляет к отсутствию необходимых традиционных для психометрических методик численных оценок их надежности и валидности. В некоторой степени замечание Д.В. Ушакова справедливо. В должной степени статистические данные действительно не представлены, как это принято у работающих в тестовой парадигме.

Тому две причины. Во-первых, я с самого начала обсуждения проблемы валидности метода подчеркиваю, что доказываю его теоретически. Он строился не эмпирически, а его построение отвечает требованиям выявления предмета, на который он направлен. Это соответствует современной тенденции в тестологии, поскольку в последнее время психодиагностики серьезно занимаются теоретической валидизацией своих методик.

В связи с этим и текст книг построен прежде всего на качественном анализе полученных в эксперименте данных. Это не единичные примеры, а анализ всех узловых моментов, раскрывающий содержание введенных нами понятий и специфики метода.

Вторая причина заключается в том, что подробное рассмотрение вопросов надежности, прогностической валидности связано с проблемой генезиса творческих способностей, изложение которой планируется во втором томе «Психологии творческих способностей». Понять изменения в динамике цифровых показателей вне рассмотрения этой проблемы невозможно, так как предметом нашего исследования является становящееся, развивающееся качество личности. Даже если это связано с обратным явлением — снижени-

ем способностей, то мы обладаем возможностью объяснить его причины. К тому же в лонгитюдных сериях мы не можем на протяжении одного года использовать несколько раз одну методику, что понятно, а также разные варианты «Креативного поля», так как мы стараемся работать, не предъявляя одним и тем же испытуемым уже знакомую им методику.

Что же касается возможности обсуждать психодиагностические данные метода, то это вопрос собственной мотивации, поскольку материал в текстах книг содержится в необходимом объеме. При желании разобратся можно было бы заглянуть в докторскую и целый ряд кандидатских диссертаций, выполненных в рамках данного направления.

Нет возможности перечислять все данные, которыми мог бы воспользоваться оппонент. Укажу лишь на те, которые приведены в книге. В частности, коэффициенты корреляции по взаимозаменяемым формам колеблются от $Q = 0.653$ до $Q = 0.87$ при $p < 0.01$ (Богоявленская, 2002).

Требование внутренней согласованности методик связано с невнимательным или предвзятым чтением наших текстов. Если процедура методик заключается в предъявлении системы *однотипных* задач (например, в «Сказочных шахматах» они отличаются лишь положением фигур на доске), а выявляется способность выходить за пределы требований этих задач, то о какой внутренней согласованности может идти речь? Метод «Креативное поле» не является типичным психометрическим тестом. В какой-то степени он обладает чертами проективного

метода и в первую очередь требует качественного анализа (Богоявленская, 1983; 2002). Нравится это Дмитрию Викторовичу или нет, но «Креативное поле» — в принципе *новый метод*, за которым стоит теория с разработанной нами системой понятий, с чем тоже приходится смириться: ведь именно к этому Д.В. Ушаков призывал коллег в начале дискуссии.

В интересной статье А.Н. Поддьякова высказывается весьма справедливая мысль, что средством любого конкретного психологического исследования должен являться такой метод, который, с одной стороны, «выпячивает» изучаемое психологическое свойство, а с другой — игнорирует все остальные, оставляет их «в режиме спячки» или даже активно подавляет, чтобы не затеняли картину.

В качестве примера приводятся полученные В.Н. Дружининым факты, которые подтверждают, что условия тестирования интеллекта подавляют проявления творческих способностей человека и — шире — способностей к деятельности в условиях свободы.

В свою очередь, пишет А.Н. Поддьяков, ссылаясь на наши данные, созданные после тестов IQ тесты креативности, актуализируя дивергентные способности субъекта и создавая иллюзию почти неограниченной свободы, успешно подавляют при этом способности к содержательному теоретическому обобщению. Я хотела бы пояснить этот результат.

Если, как отмечает В.Н. Дружинин, при тестировании интеллекта тормозится проявление креативности, то это происходит в силу того,

что испытуемый должен выполнить предъявляемое ему задание. Он стимулирован и вместе с тем ограничен в своих действиях этим требованием. Вместе с тем тесты креативности уже в силу инструкции требуют проявления дивергентного мышления, но по своему материалу не предполагают проявления содержательного теоретического обобщения. Диагностика креативности и теоретического мышления проводилась нами в разное время, и смысл полученных данных в том, что высокие показатели креативности наблюдаются у школьников с операционально неразвитым интеллектом. Напротив, показатели теоретического мышления выражено коррелируют с высокими показателями по «Креативному полю». Полученные нами данные говорят не о том, что *тесты креативности* подавляют проявление теоретического мышления, а о том, что оно у данного индивида не сформировано. Просто *формирование* дивергентного мышления, выявляемое этими тестами, и теоретического мышления имеет разную природу (Богоявленская, 2002, с. 248–250).

В яркой статье И.Е. Сироткиной рассматривается действительно важный аспект общественной значимости тестирования. В силу возможности неэтичного использования данных тестирования в нравственном кодексе психолога должно быть заложено положение о неразглашении данных психодиагностики. Однако школьным психологам приходится постоянно сталкиваться с упреками администрации при отказе познакомить ее с результатами тестирования; «Зачем вы нам тогда?» — следует реакция. В этом

противоречии — одна из основных трудностей работы школьного психолога (да и любой службы психологического сопровождения).

Вместе с тем если взрослый может рассматриваться как предмет манипулирования государством, то ребенок находится в связке прежде всего с педагогом, который должен его *обучить*. Сегодня мы говорим об индивидуализации обучения как о наиболее эффективной педагогической системе, а для индивидуализации обучения психодиагностика не только полезна, но необходима, поскольку педагог видит явление, но не всегда может понять его природу, механизмы, его вызывающие. Кстати, на этот аспект использования тестирования обращает внимание и М.А. Холодная.

Из опыта собственной практики могу привести хотя бы тот пример, что мы можем предсказать уже для пяти-шестилетнего ребенка, что он не сможет сформироваться как творческий человек, так как еще не ставшая его личность уже подвержена деформации. Это важно знать, так как

в этом возрасте возможна эффективная коррекция.

Я хочу присоединиться и поддержать коллег в утверждении, что информативным может быть только такой метод психологической диагностики, которым пользователь владеет профессионально. Только полностью усвоив все технические и формальные аспекты выбранного метода, понимая его возможности и ограничения, зная те допущения и специфические требования, которые были заложены разработчиками, можно рассчитывать на получение с его помощью диагностически ценной информации.

Именно поэтому мы не тиражируем методики «Креативного поля», а предлагаем прохождение у нас стажировки.

Среди выступлений в настоящей дискуссии мне особенно хотелось бы отметить статью М.К. Акимовой. Как само содержание статьи, отражающее позицию автора, так и интеллигентный тон ее свидетельствуют о подлинном профессионализме и вызывают крайнее уважение.

Литература

Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983.

Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.

Богоявленская Д. Б. Что выявляют тесты интеллекта и креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. №2. С.54–65.

Богоявленская Д. Б. Сегодня отечественной тестологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики 2004. № 4. С. 45–49.